

ДЕТИ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.dx3p-5z44

М. М. РУСАКОВА, В. А. ОДИНОВА

УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ, В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Участие детей в принятии решений широко декларируется как право ребенка, обладающее позитивными следствиями для общества и для ребенка. На этом фоне удивительно редко изучается опыт участия детей в принятии решений. Мы попытались восполнить этот пробел и описать участие в принятии решений детей 10–17 лет ($n = 517$), отделенных от родительской семьи и воспитывающихся в учреждениях для детей-сирот в трех российских регионах. Ограниченное участие в принятии решений статистически значимо коррелирует как с институциональными, так и с личностными характеристиками детей. Наше исследование показывает, что дети, находящиеся в организации для детей-сирот, не имеют равных возможностей участия в принятии решений, что может значительно снизить эффективность оказываемой детям помощи.

Ключевые слова: участие детей в принятии решений, социальная защита, дети.

RUSAKOVA MAIA M., ODINOKOVA VERONIKA A.

CHILDREN PARTICIPATION IN DECISION MAKING IN ORGANIZATIONS FOR ORPHANS

Children's participation in decision making is widely declared as the right of the child, with positive consequences for society and for the child. Against this background, the experience of children's participation in decision making is surprisingly rarely studied. In order to fill this gap we describe participation in decision making among children, living in institutional care in three Russian regions and aged 10–17 years ($n = 517$). Limited participation in decision making is significantly correlated with both institutional and personal factors of children. Our findings show the importance of taking into account the perspectives of the child within the processes of the system of social protection of children.

Keywords: participation in decision making, social protection, children.

Введение

Право ребенка быть услышанным является одним из главных принципов Конвенции о правах ребенка, ратифицированной СССР в 1990 г. Согласно Статье 12, государство обеспечивает ребенку, способному сформулировать свои взгляды, право свободно выражать эти взгляды. С этой целью ребенку предоставляется возможность быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка. Аналогичные положения содержатся в Семейном кодексе РФ (Статья 57). В Конвенции не содержится каких-либо ограничений этого права в связи с возрастом ребенка, а согласно российскому законодательству учет мнения ребенка обязателен, если он достиг возраста десяти лет (за исключением случаев, когда это противоречит его интересам). Это право содержит три основных элемента: 1) ребенку предоставлена информация; 2) ребенку предоставлена возможность выразить свою точку зрения; 3) точка зрения ребенка принята во внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка.

Существенным фактором в понимании концепции участия детей стало развитие «новой» социологии детства. Традиционные (и доминирующие) взгляды на детство заключаются в том, что дети и молодые люди являются пассивными получателями заботы взрослых из-за их незрелости и зависимости. Новая социология детства выступает за более широкое участие детей и молодежи в разработке теории, политики и исследований, в различных сферах общественной жизни, где присутствуют дети и молодежь, в том числе в вопросах воспитания вне родительской семьи, социальной защиты детей, здравоохранения и образования. Исследователи и практики, разделяющие идеи новой социологии детства, рассматривают детей и молодых людей как экспертов в области своей собственной жизни (Qvortrup et al. 2009).

Участие ребенка в принятии решений может происходить в различных контекстах: в вопросах выбора ежедневных занятий, мер социальной и психологической помощи, образовательного маршрута, в определении дальнейшей судьбы ребенка, например, где и с кем он или она будет жить (Ten Brummelaar et al. 2018). Эти контексты включают в себя судебное заседание по вопросам усыновления, передачи в приемную семью, лишения родителей родительских прав или восстановления в родительских правах; заседания комиссий по делам несовершеннолетних и защиты их прав; определение содержания программы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении;

во время нахождения в учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Участие детей в принятии решений часто неверно понимается специалистами в сфере социальной защиты как принятие решений на основе желаний ребенка. Kennan с коллегами (2018) показывают, что участие в принятии решений важно рассматривать как процесс, а не как результат, и ссылаются на результаты исследований, которые показывают, что для самих детей намного более важно быть услышанными, высказаться, чем получить результат в соответствии со своими желаниями.

Дети, которые оказались в ситуации отделения от родительской семьи и воспитания в государственном учреждении, наиболее часто оказываются в таких ситуациях, когда их мнение, согласно законодательству, должно быть принято во внимание. Эти дети, по данным зарубежных исследований, имеют наиболее ограниченные возможности для значимого участия в процессе принятия решений (Van Bijleveld et al. 2015; Cossar et al. 2016).

Ограниченные возможности участия в принятии решений у детей, которые были отделены от родительской семьи, приводят к негативным последствиям, таким как эмоциональные и поведенческие нарушения у детей (например, демонстрация оппозиционного поведения, пассивность, чувство беспомощности) (Ten Brummelaar et al. 2018; Vis et al. 2011). Ограниченные возможности участия в принятии решений у детей также препятствуют тому, что насилие и пренебрежение в отношении детей будут обнаружены и своевременно остановлены, поскольку детям, не участвующим в процессе принятия решений, труднее сообщить взрослым о том, что они подвергаются насилию (Cocozza et al. 2006). Участие молодых людей в процедурах принятия решений во время пребывания в интернатах, напротив, приводит к значимым позитивным последствиям, например, к выбору более эффективного реабилитационного плана, помогает повысить безопасность и психосоциальное благополучие детей (Ten Brummelaar et al. 2018). Дети, которых включают в конференции и консилиумы, на которых определяется их судьба, лучше справляются со стрессом, вызванным изменениями в их жизненных обстоятельствах (Vis et al. 2011).

В России один из шести разделов Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. был полностью посвящен участию детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Стратегия предполагала реализацию таких мер, как разработка стандартов и методик расширения участия детей в различных сферах жизнедеятельности и создание системы постоянного мониторинга

и оценки участия детей в принятии решений, включая систематический сбор качественных и количественных данных об уровне такого участия детей всех возрастных и социальных групп. Именно этот раздел был наименее успешно выполнен, по оценкам исследователей (Рубцов и др. 2016). Специалисты связывают этот неуспех с отсутствием соответствующих этому разделу индикаторов государственного мониторинга, что воспринимается как свидетельство «необязательности» его выполнения (Калабихина и др. 2016).

Нам не удалось обнаружить ни одного российского эмпирического исследования, которое бы характеризовало состояние дел с участием детей, отделённых от родителей, в принятии решений. Вероятной причиной того, что вопросы участия детей в принятии решений редко оказываются в поле внимания исследователей, является тот факт, что исследования детства в России выполняются преимущественно с позиций социализационной перспективы, а новая социология детства пока еще не нашла широкого круга последователей (Филипова 2016). Кроме того, развитию участия детей препятствуют различные мифы и стереотипы, например, о том, что участие детей снижает авторитет родителей и противоречит ценностям традиционной семьи.

В этой статье мы попытаемся восполнить обозначенные пробелы и ответить на следующие вопросы. Какова ситуация в области реализации права детей на участие в принятии решений? Какие условия ограничивают возможности детей для участия в принятии решений?

Методология

Исследовательской группой был выполнен анализ данных исследования, проведённого среди воспитанников учреждений для детей-сирот в трех регионах: Санкт-Петербург, Республика Башкортостан и Свердловская область. В исследовании приняли участие 517 детей (в том числе 215 в Санкт-Петербурге, 178 в Республике Башкортостан, 124 в Свердловской области) в возрасте 10–17 лет (средний возраст 13,8 лет, 56,6% юношей). По национальности, 77,9% русские, 9,3% башкиры, 6,8% татары, 1,9% украинцы, 5,6% другие национальности, 3,5% детей затруднились с ответом на вопрос о национальности.

Данные исследования были получены методом опроса с использованием структурированного вопросника. Опрос был реализован в двух формах — в малых группах и в формате индивидуального интервью, которое использовалось в том случае, если у ребенка были трудности с чтением или вниманием. Все дети, находящиеся в день проведения

опроса в учреждении и достигшие возраста 10 лет, были приглашены принять участие в исследовании. Добровольное информированное согласие было получено у официальных опекунов детей и у самих детей. Вопросник был адаптирован для детей и охватывал различные сферы жизни детей в детском доме. Более подробно методология и процедуры исследования описаны в предшествующих публикациях (Одинокова и др. 2017).

Участие детей предполагает, с одной стороны, высказывание детьми собственного мнения по всем важным для них вопросам, а с другой — учет этого мнения при принятии решений, затрагивающих интересы детей. В нашем исследовании мы не пытались оценить, было ли учтено мнение детей при принятии конкретных решений, поскольку это выходило за пределы методических возможностей этого исследования. Мы изучили субъективную оценку ребенком его/ее включенности в процессы принятия решений с помощью вопроса «Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? Например, решения о том, где и с кем ты будешь жить, где будешь учиться и другие важные для тебя вещи» и 5-балльной шкалы ответов: всегда; почти всегда; иногда; редко, никогда.

Психосоциальное благополучие детей измерялось с использованием российской версии вопросника «Сильные стороны и трудности» (SDQ) (Goodman et al. 2005). SDQ включает в себя 25 утверждений, описывающих положительные и отрицательные стороны ребенка. SDQ состоит из пяти шкал по пять пунктов в каждой: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/дефицит внимания, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Баллы за первые четыре шкалы складываются в общую оценку трудностей (ООТ). Мы выбрали SDQ в качестве показателя благополучия детей в условиях учреждения для детей-сирот, потому что это один из инструментов, наиболее широко используемых для оценки психического здоровья детей, и он чувствителен к результатам специализированной помощи, которую получает ребенок.

В анализе мы рассмотрели, в какой степени реализуется право детей, отделенных от родительской семьи, на участие в принятии решений, и проверили, с помощью критерия хи-квадрат, гипотезы о связи участия в принятии решений с полом, возрастом и психосоциальным благополучием ребенка, с траекторией попадания ребенка в детский дом, с институциональными условиями (наличие доверенного взрослого в детском доме, возможность обратиться за помощью к взрослому, коммуникация со взрослыми по вопросам прав детей и др.).

Результаты и обсуждение

На вопрос о том, прислушиваются ли взрослые к мнению респондента, когда принимают важные для него/нее решения, ответы распределились следующим образом: 35,4% детей сообщили, что всегда, 25,3% — почти всегда, 18,2% — иногда, 9,1% — редко, 10,1% — никогда. Не дали ответа 1,9% детей. Между городами обнаружилась статистически значимая вариация доли детей, сообщивших о том, что взрослые прислушивались к их мнению (табл. 1). Чаще всего к мнению детей прислушивались в Свердловской области, несколько реже в Республике Башкортостан и наиболее редко — в Санкт-Петербурге. Вероятно, эти различия объясняются отбором учреждений в каждом из трех регионов, но не институциональными различиями в вопросах обеспечения участия детей в принятии решений, поскольку ни в одном из них на момент проведения исследования не было специальной стратегии и плана по расширению участия детей в принятии решений, которое отличало бы этот регион от остальных.

Таблица 1

Опыт участия в принятии решений

Вопросы	Варианты ответа	СПб, %	РБ, %	СО, %	Все города, %	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения?	«Всегда или почти всегда»	56,5	60,8	73,0	61,9	9,034	0,011
	«Иногда; редко; никогда»	43,5	39,2	27,0	38,1		

СПб — Санкт-Петербург; РБ — Республика Башкортостан; СО — Свердловская область.

В целях дальнейшего анализа мы дихотомизировали шкалу ответов об участии в принятии решений по медиане и разделили выборку на две группы: тех, чье мнение недостаточно часто было принято во внимание (ответы «иногда; редко; никогда»; 38,1% выборки), и тех, кто сообщил, что взрослые прислушиваются к их мнению «всегда» или «почти всегда» (61,9% выборки). В таблице 2 представлены результаты кросс-секционного анализа участия детей в принятии решений в зависимости от их личностных факторов, траектории попадания в детский дом, институциональных условий и знаний своих прав.

Половых различий в степени реализации права детей на участие в принятии решений мы не обнаружили (табл. 2). Участие происходило реже в случае детей младшего подросткового возраста и детей с симптомами эмоциональных и поведенческих расстройств (согласно результатам применения методики «Сильные стороны и трудности»). Траектория попадания ребенка в детский дом оказалась не связана с участием в принятии решений. Даже возраст (до или после 10 лет), в котором ребенок попал в детский дом, оказался не связан с оценкой ребёнком частоты участия в принятии решений, несмотря на то, что после 10 лет мнение ребенка должно быть принято во внимание при принятии решений согласно Семейному кодексу РФ.

Таблица 2

Условия участия детей в принятии решений

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Личностные факторы						
Пол	Женский	45,9	48,2	46,7	0,260	0,338
	Мужской	54,1	51,8	53,3		
Возраст	До 14 лет	36,8	51,1	42,2	9,714	0,001
	14 и старше	63,2	48,9	57,8		
SDQ	Норма	86,6	69,1	80,1	21,937	0,000
	Пограничное состояние или отклонение	13,4	30,9	19,9		
Траектория попадания ребенка в детский дом						
Возраст, в котором впервые оказался/лась в детском доме	До 10 лет	64,0	70,5	66,5	2,234	0,081
	10 и старше	36,0	29,5	33,5		

Таблица 2 (продолжение)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Количество детских домов, в которых побывал ребенок	Один	49,5	46,6	48,4	0,404	0,293
	Два и больше	50,5	53,4	51,6		
Сколько лет ребенок провел в детских домах	Менее 5 лет	40,6	46,6	42,8	1,957	0,377
	5–9 лет	41,0	39,1	40,3		
	10 и более	18,4	14,3	16,9		
Поддержание контакта с кровными родственниками	Не общается	4,5	5,6	4,9	0,286	0,372
	Контакт хотя бы с одним родственником	95,5	94,4	95,1		
«Знаешь ли ты, почему оказался/лась в детском доме?»	Я знаю, почему я оказался/лась в детском доме	70,4	58,4	65,9	7,911	0,048
	Кое-что знаю, но хотел/ла бы знать больше	10,9	13,7	12,0		
	Я не знаю, почему я попал/ла в детский дом	10,9	16,8	13,2		
	Не задумывался/лась об этом	7,7	11,1	9,0		

Таблица 2 (продолжение)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Институциональные факторы						
«Нравится ли тебе в этом детском доме: отношение к тебе взрослых»	Очень нравится, скорее нравится	84,3	63,5	76,4	28,594	0,000
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	15,7	36,5	23,6		
«Нравится ли тебе в этом детском доме: отношение к тебе сверстников»	Очень нравится, скорее нравится	77,3	58,3	70,1	20,459	0,000
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	22,7	41,7	29,9		
«Нравится ли тебе в этом детском доме: твоя комната/ группа»	Очень нравится, скорее нравится	73,2	60,6	68,4	8,823	0,002
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	26,8	39,4	31,6		
«Как часто ты бываешь за пределами детского дома и его двора/ площадки (кроме посещения школы)»	Один раз в неделю и чаще	81,9	65,1	75,5	17,819	0,000
	Реже одного раза в неделю	18,1	34,9	24,5		

Таблица 2 (окончание)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Опыт насилия в условиях детского дома*	Отсутствует	49,0	29,0	41,4	19,762	0,000
	Имеется	51,0	71,0	58,6		
«Если ребенка или подростка в твоём детском доме обидели, кто ему/ей может помочь?»	Выбран ответ «никто»	10,5	26,9	16,8	23,132	0,000
	Выбраны другие варианты ответа («взрослый», «другой ребенок»)	89,5	73,1	83,2		
«Есть ли у тебя взрослый в этом детском доме, которому ты доверишь?»	Да	88,3	76,6	83,8	11,914	0,001
	Нет	11,7	23,4	16,2		
«Насколько тебе легко разговаривать с взрослыми в этом детском доме о вещах, которые действительно тебя беспокоят?»	Очень легко; скорее легко	64,6	33,5	52,8	47,234	0,000
	О чем-то легко, о чем-то трудно	26,6	44,7	33,5		
	Скорее трудно, очень трудно	8,8	21,8	13,7		
«Было ли за последний год так, что тебя отправили в больницу без твоего согласия?»	Да	7,3	15,5	10,4	8,435	0,003
	Нет	92,7	84,5	89,6		

* *Примечание:* Методологию оценки распространённости опыта насилия см.: Одинокова и др. 2017: 138.

Дети, которые сообщили о том, что взрослые прислушивались к их мнению, были лучше информированы о причинах, почему они попали в детский дом.

Все изученные нами институциональные факторы оказались статистически значимо связаны с участием детей в принятии решений. Дети, которые были ограничены от участия в принятии решений, менее удовлетворены условиями жизни в детском доме с точки зрения отношений со взрослыми и другими детьми, и своей комнатой. Они реже выходят за пределы детского дома и чаще сообщают о том, что подвергались насилию в стенах учреждения. При этом в ответ на вопрос «Если ребенка или подростка в твоём детском доме обидели, кто ему/ей может помочь?» они чаще сообщают, что им никто не поможет. Они чаще сообщают о том, что у них нет взрослого в детском доме, которому они доверяют, и что им трудно заговорить с взрослыми в детском доме о вещах, которые их беспокоят. Кроме того, дети, ограниченные от участия в принятии решений, чаще сообщали о недобровольной госпитализации.

Информирование детей об их правах было статически значимо связано с положительной оценкой детьми своего участия в принятии решений (таблица 3).

Таблица 3

Информирование детей об их правах

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Chi-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Слышал ли ребенок об Уполномоченном по правам детей	Да	66,7	45,8	58,7	21,069	0,000
	Нет	66,7	45,8	58,7		
«Слышал/ла ли ты о том, что дети обладают особыми правами?»	Да	27,9	50,3	36,3	24,079	0,000
	Нет	72,1	49,7	63,7		

Таблица 3 (окончание)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Взрослые, с которыми ребёнок обсуждал свои права	Воспитатель	72,9	53,9	67,3	10,277	0,001
	Социальный педагог	52,8	29,2	45,9	14,088	0,000
	Родственники	28,0	25,8	27,4	0,152	0,405
	Директор	32,2	21,3	29,0	3,620	0,037
	Сотрудники органов опеки	21,0	23,6	21,8	0,363	0,243

Дети, которые знают о существовании Уполномоченного по правам детей и об особых правах ребенка, чаще сообщали, что взрослые прислушивались к их мнению. Чаще всего мнение ребенка принималось во внимание, если он/она обсуждал/ла свои права с воспитателем и социальным педагогом. Обсуждение своих прав с представителями органов опеки не было статически связано со степенью участия детей в принятии решений. Этот вопрос требует более углубленного изучения практик отделения ребенка от родительской семьи и учета мнения ребенка в этих вопросах, поскольку в силу своей профессиональной позиции органы опеки обеспечивают соблюдение прав детей, в том числе и права на участие в принятии решений.

Заключение

Результаты исследования показывают, что двое из пяти детей в возрасте 10 лет и старше, находящихся в детском доме, считают, что его/ее мнение не было услышано при принятии решений, затрагивающие интересы ребенка. Мнение ребёнка принимается во внимание чаще, если он достиг старшего подросткового возраста и у него нет симптомов эмоциональных и поведенческих расстройств.

Обнаруженная нами связь между участием в принятии решений и психосоциальным благополучием может быть объяснена двояко. С одной стороны, взрослые могут иметь тенденцию принимать решения за детей, у которых отмечается нестабильное эмоциональное состояние и поведенческие нарушения и допускать до обсуждения жизненных планов детей с лучшим психическим здоровьем.

Причины, по которым специалисты имеют разные приоритеты и отношение к участию детей, возможно, имеют отношение к более широким убеждениям о роли и месте детей в обществе, которые изменяются во времени и представляют собой континуум между убеждением в том, что взрослые лучше знают, как поступить во имя наилучших интересов детей (патернализм), и тем, что дети должны быть наделены ответственностью и возможностью принимать решения и испытывать последствия этих решений (либерализм). Сама система социальной защиты детей в совокупности ее контекстов и процедур может быть совершенно не «дружественной по отношению к детям» (child friendly) (Vis et al. 2012). С этой точки зрения дети младшего возраста и с расстройствами психического здоровья наиболее подвержены воздействию патернализма.

С другой стороны, возможность быть услышанным может быть самостоятельным фактором, который способствует поддержанию психического здоровья ребенка (Vis et al. 2011), помогает ему ориентироваться в том, что с ним происходит, и справляться со стрессом, вызванным отделением от родительской семьи. В нашем исследовании дети, участвующие в принятии решений, обладали лучшим пониманием причин, по которым они оказались в детском доме.

В исследовании Van Bijleveld, Dedding, and Bunders-Aelen (2015), которое было посвящено барьерам обеспечения участия детей в системе социальной защиты, показано, что личные отношения между специалистом, ведущим случай, и ребёнком являются критическим фактором для обеспечения участия детей. В нашем исследовании наличие доверенного взрослого, возможность обратиться за помощью в условиях детского дома и обсуждение прав с социальным педагогом была связана с включенностью детей в принятие решений.

Как и в зарубежных исследованиях, мы обнаружили корреляцию опыта насилия и степени участия детей в принятии решений. Конечно, корреляция не позволяет устанавливать причинно-следственную связь: подверженность насилию и ограниченные возможности участия в принятии решений могут иметь общие причины, обуславливающие эту корреляцию. С другой стороны, Cocola et al. (2006) показали, что ограничение возможности ребенка быть услышанным снижает

вероятность того, что насилие станет известно специалистам, так как детям, у которых нет опыта участия в принятии решений, сообщить взрослым о том, что происходит что-то неправильное, крайне трудно. Это также может быть объяснением полученной корреляции. Полученные нами данные показывают важность принятия во внимание перспективы ребенка с точки зрения профилактики насилия в учреждениях для детей-сирот.

Объем и эффективность участия детей, в значительной степени зависит от профессиональных установок специалистов, работающих с ними (Van Bijleveld et al. 2015; Cossar et al. 2016). Есть три основных типа препятствий для обеспечения участия детей в принятии решений: недостаток навыков коммуникации с детьми, участие не рассматривается специалистами как необходимое, и убежденность специалиста в том, что участие может навредить ребенку (Vis et al. 2012).

Таким образом, основные направления повышения участия детей, оказавшихся в поле системы социальной защиты, — это повышение информированности специалистов, развитие у них навыков успешной коммуникации с детьми по вопросам реализации их права на участие в принятии решений и обеспечение их эффективными методами повышения участия детей. В число таких эффективных методов входят практика «детского адвоката», участие ребенка в заседаниях и мероприятиях, на которых обсуждаются решения, затрагивающие его или ее интересы, документирование мнения ребенка в письменной форме, семейные конференции (Kennan et al. 2018).

Наше исследование показывает, что в обеспечении участия детей в принятии решений есть пробелы и эти пробелы могут значительно ограничить эффективность помощи детям. Практика работы с детьми, отделёнными от родителей, должна выходить за границы простой риторики и обеспечивать их участие в той мере, в которой проявится позитивное влияние участия в принятии решений на развитие ребенка и его дальнейшую судьбу.

Источники

Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 507–520.

Одинокова В. А., Русакова М. М., Усачёва Н. М. Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 129–144.

Рубцов В. В., Шведовская А. А., Дубовик А. С., Семья Г. В. Об основных результатах мониторинга первого этапа реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, № 1. С. 30–66.

Филипова А. Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80.

Van Bijleveld G. G., Dedding C. W. M., Bunders-Aelen J. F. G. Children's and young people's participation within child welfare and child protection services: a state-of-the-art review // *Child & Family Social Work*. 2015. Vol. 20, No. 2. С. 129–138.

Cocozza M., Gustafsson P. A., Sydsjö G. Child protection in Sweden: Are routine assessments reliable? // *Acta paediatrica*. 2006. Т. 95, № 11. С. 1474–1480.

Cossar J., Brandon M., Jordan P. You've got to trust her and she's got to trust you: children's views on participation in the child protection system // *Child & Family Social Work*. 2016. Vol. 21, No. 1. С. 103–112.

Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Strengths and Difficulties Questionnaire [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://www.sdqinfo.com> (дата обращения: 07.05.2019).

Kennan D., Brady B., Forkan C. Supporting children's participation in decision making: A systematic literature review exploring the effectiveness of participatory processes // *The British Journal of Social Work*. 2018. Vol. 48, No. 7. С. 1985–2002.

Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M. S., Valentine G. (Eds.). *The Palgrave handbook of childhood studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Ten Brummelaar M. D., Harder A. T., Kalverboer M. E., Post W. J., Knorth E. J. Participation of youth in decision-making procedures during residential care: A narrative review // *Child & Family Social Work*. 2018. Vol. 23, No. 1. С. 33–44.

Vis S. A., Holtan A., Thomas N. Obstacles for child participation in care and protection cases — why Norwegian social workers find it difficult // *Child Abuse Review*. 2012. Vol. 21, No. 1. С. 7–23.

Vis S. A., Strandbu A., Holtan A., Thomas N. Participation and health — a research review of child participation in planning and decision-making // *Child & Family Social Work*. 2011. Vol. 16, No. 3. С. 325–335.

References

Van Bijleveld G. G., Dedding C. W. M., Bunders-Aelen J. F. G. Children's and young people's participation within child welfare and child protection services: a state-of-the-art review. *Child & Family Social Work*, 2015, vol. 20, no 2, pp. 129–138.

Cocozza M., Gustafsson P. A., Sydsjö G. Child protection in Sweden: Are routine assessments reliable? *Acta paediatrica*, 2006, vol. 95, no. 11, pp. 1474–1480.

Cossar J., Brandon M., Jordan P. You've got to trust her and she's got to trust you: children's views on participation in the child protection system. *Child & Family Social Work*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 103–112.

Filipova A. G. Detstvo v fokuse otechestvennyh sotsiologicheskikh issledovaniy [Childhood in the focus of domestic sociological research]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Bulletin of Nizhny Novgorod University. NO Lobachevsky. Series: Social Sciences]*, 2016. no. 1 (41), pp. 80. (In Russian)

Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. *Strengths and Difficulties Questionnaire*. 2005. URL: <http://www.sdqinfo.com> (access date: 07.05.2019).

Kalabihina I. E., Kuchmaeva O. V. Problemy i perspektivy monitoringa uchastiya detey v realizatsii "Natsional'noy strategii deystviy v interesah detey na 2012–2017 gg." [Problems and prospects of monitoring the participation of children in the implementation of the "National Action Strategy for Children for 2012–2017"]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2016, vol. 14, no. 4, pp. 507–520. (In Russian)

Kennan D., Brady B., Forkan C. Supporting children's participation in decision making: A systematic literature review exploring the effectiveness of participatory processes. *The British Journal of Social Work*, 2018, vol. 48, no. 7, pp. 1985–2002.

Odinokova V. A., Rusakova M. M., Usachyova N. M. Opyt otsenki blagopoluchiya detey v uchrezhdeniyah dlya detey-sirot [Experience in assessing the well-being of children in institutions for orphans]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2017, no. 2 (138), pp. 129–144. (In Russian)

Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M. S., Valentine G. (Eds.). *The Palgrave handbook of childhood studies*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009.

Rubtsov V. V., Shvedovskaya A. A., Dubovik A. S., Sem'ya G. V. Ob osnovnykh rezul'tatakh monitoringa pervogo etapa realizatsii Natsional'noy strategii deystviy v interesah detey na 2012–2017 gody [On the main results of monitoring the first stage of the implementation of the National Action Strategy for Children for 2012–2017]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2016, vol. 21, no. 1, pp. 30–66. (In Russian)

Ten Brummelaar M. D., Harder A. T., Kalverboer M. E., Post W. J., Knorth E. J. Participation of youth in decision-making procedures during residential care: A narrative review. *Child & Family Social Work*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 33–44.

Vis S. A., Holtan A., Thomas N. Obstacles for child participation in care and protection cases — why Norwegian social workers find it difficult. *Child Abuse Review*, 2012, vol. 21, no. 1, pp. 7–23.

Vis S. A., Strandbu A., Holtan A., Thomas N. Participation and health — a research review of child participation in planning and decision-making. *Child & Family Social Work*, 2011, vol. 16, no. 3, pp. 325–335.

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Rusakova Maia M., Ph.D. in Sociology, Senior Research Scientist, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
maia@ngostellit.ru

Одинокова Вероника Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Odinokova Veronika A., Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
veronika.odinokova@gmail.com